

# Возможности трансграничной кооперации России и КНДР: есть ли потенциал для адаптации «квебекской модели»?<sup>1</sup>

**Виталий Евгеньевич Болдырев,**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.  
E-mail: boldyrev89@list.ru

С 2022 г. в Северо-Восточной Азии (СВА) происходит трансформация региональной среды, выделяется треугольник «Россия — Китай — КНДР». Из всех его связей наиболее сложной для анализа является пара РФ — КНДР, особенно в экономической плоскости. Из-за почти полного отсутствия статистики использовались сравнительный и аналогический методы. В качестве аналогии была выбрана североамериканская модель кооперации, особое внимание было уделено месту Квебека в ней. Это позволило выявить следующие характеристики кооперации: при концентрации старопромышленных производств граница становится фактором транзита, а не экономического роста; стратегия выживания консервирует более примитивную структуру хозяйства; на внешнем рынке возникает подавляющий торговый партнёр; усиливается роль правительства в экономике. При сопоставлении данных параметров с положением КНДР и России в СВА была выявлена уязвимость этих государств. Минимизировать негативное воздействие такого положения позволила бы ограниченная трансграничная кооперация двух стран, однако её развитию препятствуют высокая централизация сотрудничества между правительствами, второстепенная роль регионов, транзитная специализация

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 25-18-20055 «Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)».

приграничных территорий, стремление северокорейской стороны использовать сотрудничество РФ для решения внутренних социально-экономических проблем, неготовность России налаживать сотрудничество с КНДР, опираясь на взаимно дополняющие отрасли регионов, тяготеющие к общей границе. Укрепить экономическое сотрудничество двух стран позволила бы межотраслевая кооперация промышленных центров Приморского края и пров. Северная и Южная Хамгён.

**Ключевые слова:** Россия, КНДР, Северо-Восточная Азия, Квебек, Приморский край, граница, кооперация, экономика.

### **Prospects for Cross-Border Cooperation between Russia and the DPRK: Is there Potential for Adapting the “Quebec Model”?**

**Vitalii Boldyrev**, Institute of History, Archaeology and Ethnology of Peoples of Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

Since 2022, the regional environment in Northeast Asia has been undergoing transformation, and the “Russia — China — DPRK” triangle has become increasingly visible. The Russia — DPRK relations are the most challenging to analyze particularly in economic terms. Due to the almost total absence of statistical data, the analysis relies on comparative and analogical methods. The North American model of cooperation was chosen as an analogy with particular attention given to the role of Quebec within it. This made it possible to identify the following characteristics of cooperation: when traditional industries are concentrated, the border functions as a factor of transit rather than economic growth; survival strategies preserve a more primitive economic structure; an overwhelming dominant trade partner emerges in the external market; the role of the government in the economy increases. A comparison of these parameters with the positions of the DPRK and Russia in Northeast Asia revealed the vulnerability of these states. The negative impact of such situation could be minimized through limited cross-border cooperation between two countries. However, its development is hindered by the high centralization of inter-governmental cooperation, the secondary role of regions, the transit specialization of border territories, the DPRK’s aspiration to leverage cooperation with Russia to address internal socio-economic problems, and Russia’s reluctance to establish cooperation with the DPRK based on mutually complementary regional sectors adjacent to the shared border. The intersectoral cooperation between the industrial centers of the Primorye Region and North and South Hamgyong Provinces could strengthen economic cooperation between two countries.

**Keywords:** Russia, DPRK, Northeast Asia, Quebec, Primorye Region, border, cooperation, economy.

## ВВЕДЕНИЕ

Любое исследование, посвящённое КНДР, а в особенности тем или иным её перспективам, характеризуется высокой степенью аналитических допущений. Закрытость информации, большое количество отрывочных и поверхностных сведений ограничивают исследователей. При изучении разных видов кооперации, определяющих степень и характер хозяйственного взаимодействия, дополнительную проблему создаёт отсутствие доступной, структурированной статистики, благодаря которой можно констатировать текущие и прогнозировать перспективные тенденции. Единственным выходом остаётся обращение к качественной информации.

С 2022 г. в Северо-Восточной Азии (СВА) происходит трансформация региональной среды, а расстановка государств относительно друг друга внешне воспроизводит конфигурации периода холодной войны. Однако за внешним повторением может скрываться принципиально иная динамика. Интенсификация отношений России и КНДР стала объективной тенденцией, но проблема состоит в том, что преимущество отдаётся исследованию её политической стороны (см., например: [4]). В то же время возобновление морского и железнодорожного сообщения, строительство моста через р. Туманную внешне указывают на неполитические аспекты российско-северокорейского сотрудничества. Поскольку среди российских регионов общую границу с КНДР имеет только Приморский край, активизирующиеся тенденции партнёрства формально делают его ключевым для развития отношений двух стран на практике.

С учётом обозначенных выше ограничений цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить базовые параметры для перспективных трансграничных отношений России и КНДР, обозначив при этом действительное место Приморского края в них. В соответствии с качественным характером анализа определяем следующие задачи: построить аналогическую аналитическую рамку; реконструировать важнейшие системные условия для двустороннего сотрудничества; проанализировать отраслевую структуру приграничных регионов; выявить внешнеэкономические ограничители в пределах ближайшего окружения РФ и КНДР; оценить перспективы кооперации двух стран. Ввиду информационной ограниченности и отсутствия возможности использовать статистику, основными методами выступают аналогический и сравнительный. Поскольку статья

посвящена не формальному или видимому, а реальному месту стран и регионов относительно друг друга, источниковой основой послужили сведения, характеризующие практическую сторону сотрудничества и регионального развития.

## ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРИФЕРИИ

Граничащие между собой Приморский край как составная часть Дальнего Востока и пров. Северная Хамгён, повернутая в сторону границы с Россией окраинными уездами, являются периферийными территориями для своих стран. В случае с Приморским краем ситуация усугубляется тем, что Хасанский район в сравнении с южными и центральными районами края занимает положение периферийного. Поскольку термин «периферия» в общественных исследованиях многозначный и в зависимости от контекста приобретает разные смыслы, обозначим, что мы понимаем под ним в данной работе.

Исследования, посвящённые истории и качественной динамике развития территорий, позволяют говорить о существовании как минимум трёх типов периферии. Во-первых, это районы нового освоения в экономически развитых странах, где основу экономики составляют прибыльные добывающие отрасли, при этом производственная структура данных областей диверсифицирована слабо или не диверсифицирована вовсе [37]. Во-вторых, под периферией понимаются районы со сравнительно диверсифицированным хозяйством, но вследствие удалённости от экономического центра страны модернизационные процессы там протекают более медленно, а технологически они отстают от центральных. В соответствии с исследованием С.Г. Коваленко [13], такая характеристика справедлива для российского Дальнего Востока. В-третьих, некоторые районы превращаются в периферию из-за перестройки господствующего хозяйственного уклада, концентрации новых отраслей на других территориях. Кроме того, в отдельных случаях этому могут способствовать общественные институты, консервирующие прежние нормы, или политические решения, связанные с переносом центра страны. В той или иной мере последние характеристики справедливы в отношении КНДР. В процессе формирования государства его политический центр был создан на значительном удалении от пров. Южная Хамгён и примыкавшей к ней южной части пров. Северная Хамгён, которые были местом наиболее ранней концентрации

промышленности на севере Кореи ещё в колониальный период. Наиболее передовые отрасли экономики, возникшие на волне научно-технической революции, концентрируются вокруг Пхеньяна [9]. К негативным факторам относится также идеологическое господство традиционализма, что привело к внедрению методов хозяйственного управления, которые А.В. Торкунов оценивал как волюнтаристские, оторванные от реальности [24, с. 285—289, 405—415]. Наконец, экономический кризис, бывший типичным элементом жизни КНДР на протяжении нескольких лет, ухудшил положение страны по сравнению с её соседями к началу XXI в.

Таким образом, когда речь идёт о Дальнем Востоке и Приморском крае, под периферией мы понимаем регион, запаздывающий в своём экономическом развитии; в отношении Северной Кореи периферией считаем старый промышленный центр, позиции которого ослабли вследствие внутренней политической, экономической и управленческой специфики.

### ПОИСК АНАЛОГИИ

Особенности взаимного положения России, КНДР и Китая таковы, что три страны обращены друг к другу своими периферийными районами. Причины периферийного статуса Приморского края и пров. Северная Хамгён охарактеризованы выше. Однако полнота региональной картины невозможна без учёта Северо-Восточного Китая, который превратился в периферию в 1980-е гг., когда новые, возникшие на волне научно-технической революции отрасли разместились на юге страны. При этом, что важно для исследования перспектив кооперации, все три государства имеют индустриальную базу на периферийной территории, а Китаю принадлежат абсолютные доли во внешней торговле КНДР и Дальнего Востока.

Одной из немногих аналогий с ограниченным числом участников, которое сдерживает возникновение сетевого взаимодействия, наличием обрабатывающих производств и периферийных в прошлом районов, обращённых друг к другу, является Северная Америка. Безусловно, США и Северная Америка отличаются друг от друга очень сильно, однако исторический пример последней позволяет выявить некоторые системные, объективные, не привязанные к конкретному месту характеристики трансграничной кооперации. По крайней мере выделяются четыре таких параметра: пространственная организация

границы, присутствие определённых моделей периферии, соответствующие им модели модернизации хозяйства, специфика внешнеэкономического взаимодействия.

В Северной Америке трансграничное пространство организовано в виде трёх форм. Первая из них представлена парными трансграничными агломерациями: два города-спутника находятся по обе стороны границы. Главным образом они получили распространение на американско-мексиканской границе, где важную роль в оформлении производственного центра сыграла научно-техническая революция. Его становлению сопутствовала либеральная модель экономики, основанная на внутриотраслевой международной кооперации (подробнее см.: [1, с. 313, 343—348; 31]).

На границе Канады и США присутствуют единичные подобные примеры на границе пров. Онтарио со штатами Мичиган и Нью-Йорк, где сосредоточен старый промышленный центр. Для его становления было характерно построение вертикально интегрированных отраслей [19]. Как следствие, особенностью пространственной организации американско-канадского приграничья стали тяготеющие друг к другу промышленные центры, находящиеся на удалении от границы.

Наконец, там же широкое распространение получила и третья форма пространственной организации в виде транспортных коридоров, которые выступают артериями, переносящими грузовые и человеческие потоки.

С учётом того, что в экономике КНДР большую роль играют металлургия и транспортное машиностроение, по крайней мере так их роли позиционирует северокорейское правительство [27, с. 19—20, 25—31], для нас большой интерес представляет американско-канадское взаимодействие на восточном участке их границы. Данный интерес обусловлен следующими факторами. По обе стороны границы расположены старые отрасли промышленности, в первую очередь автомобильная и металлургическая [5], которые прежде были важнейшими двигателями хозяйственного развития, а теперь уступили эту роль другим, хотя и сохранили высокое значение для экономики. Это указывает на то, что для данных районов характерны черты, присущие периферии третьего типа.

Однако в этом контексте особое место занимает историческая модель экономического развития Квебека. По результатам Семилетней войны (1756—1763) он оказался единственной франкоговорящей колонией в британских владениях в Северной Америке, а позднее — единственной франкоговорящей

провинцией Канады. В последней четверти XIX в. своеобразной защитной реакцией с целью сохранения своей идентичности в англо-саксонском окружении стала консервация традиционалистских общественных порядков, поддерживавшихся католической церковью. Параллельно происходила консервация старой экономической модели, в которой господствовало сельское хозяйство (65% от провинциального объёма производства), а из промышленности доминировала лесная и деревообрабатывающая (25% провинциального производства) (приводится по: [14, с. 75—76]). В последовавшие годы, вплоть до второй половины 1950-х гг., наибольший интерес к промышленному развитию Квебека продемонстрировал американский капитал, который рассматривал канадскую провинцию не только в качестве пространства для размещения обрабатывающих производств, но и как источник минерального сырья и полуфабрикатов. В дальнейшем это способствовало превращению США в важнейший внешний рынок провинции. С конца 1950-х — начала 1960-х гг. наряду с иностранным капиталом значимое место в управлении экономикой занимает правительство провинции, которое берёт под контроль электроэнергетическую промышленность, основанную на дешёвой энергии воды, и создаёт подконтрольную себе металлургическую компанию. Таким образом, провинциальное правительство стало важнейшим собственником наиболее прибыльных отраслей Квебека. В последующие годы на волне НТР в провинции сформировался лишь авиапромышленный комплекс, в котором значимую роль играют транснациональные и американские компании [5]. В целом история развития Квебека указывает, что его экономике присущи черты периферии второго типа.

Ещё одной отличительной чертой квебекской провинциальной экономики стало размещение предприятий с учётом локальной концентрации факторов производства. Так, добывающие предприятия сконцентрированы на севере провинции, богатым полезными ископаемыми. Там же благодаря существенным гидроэнергетическим ресурсам сосредоточились энергоёмкие металлургические, в том числе алюминиевые, заводы. В южной части провинции преобладают более сложные обрабатывающие производства и основная сухопутная и морская транспортная инфраструктура [29, р. 222].

В целом историческая модель хозяйственного развития Квебека указывает на существование трёх взаимосвязанных аспектов. Обеспечение выживания с опорой на традиционализм в условиях враждебной среды сдерживает развитие хозяйства.

Как следствие, ресурсами развития становятся внешний рынок, где выделяется доминирующий партнёр, и провинциальная власть, контролирующая пусть не самые передовые с точки зрения технологий, но стержневые отрасли хозяйства. Разделение на старопромышленный и новопромышленный районы чётко определено концентрацией необходимых ресурсов. При этом первый из них расположился во внутренней части провинции, а второй — в приграничной.

Внешний рынок в случае Квебека выступает и источником инвестиций, комплектующих, и местом сбыта готовой продукции, полуфабрикатов, сырья. Здесь выделяется подавляющий, имеющий общую границу торгово-экономический партнёр, который по объёмам экспорта и импорта кратно превосходит ближайшего конкурента. Так, по состоянию на октябрь 2024 г. экспорт из Квебека в США (6,65 млрд долл. США) в 15,46 раза превосходил поставки в КНР (0,43 млрд долл. США), импорт в Квебек из США (2,92 млрд долл. США) в 2,56 раза превосходил поставки из Китая (1,14 млрд долл. США) [33]. В то же время опыт кооперации Канады и США свидетельствует, что чрезмерная зависимость от одного из партнёров в отдельные периоды делает хозяйство страны очень уязвимым перед внешней конъюнктурой. Причём эта характеристика справедлива в отношении добывающего и обрабатывающего сектора, в том числе наиболее передовых отраслей машиностроения [11, с. 87—88].

В целом пример восточной части Канады позволяет выделить следующие общие аналогические характеристики, которые в зависимости от исследуемого примера наполняются разными конкретными фактами. В регионах, где концентрируются старые отрасли, кооперационное сотрудничество возникает между промышленными центрами, которые удалены от границы. Сама граница выступает в роли транзитных ворот. При наличии некоторого внешнего давления, которое провоцирует переход к стратегии выживания, происходит замедление экономического развития, консервируется более примитивная структура хозяйства. В этих условиях ключевыми факторами развития становятся внешний рынок и руководящая роль центрального (в случае с Квебеком — провинциального) правительства. На внешнем рынке выделяется доминирующий партнёр, имеющий общую границу. Он замыкает на себя подавляющую часть товарных и иных трансграничных потоков и тем самым ставит экономику партнёра в зависимость от внешней конъюнктуры.

## СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: СИСТЕМНЫЕ КОНТУРЫ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Не будет большим преувеличением сказать, что для России, Китая и КНДР СВА является совокупностью периферийных районов. Безусловно, в каждой из стран они будут обладать своими специфическими характеристиками. В случае с КНДР дополнительным фактором, негативно влияющим на кооперацию, также являются и широкие международные санкции.

Источником наиболее актуальной информации о регионах российского Дальнего Востока служат каталоги производителей, которые в 2025 г. были презентованы на Восточном экономическом форуме. Они не только позволяют точнее понять хозяйственную специализацию краёв и областей, но и косвенно свидетельствуют о приоритетах региональных властей в контексте развития хозяйства и расширения кооперационного сотрудничества.

Так, в каталог производителей Приморского края внесены 147 предприятий [12]. Из них 68 (около 46% всех производителей) связано с пищевой промышленностью (в том числе 24 — с рыбной), 25 предприятий относятся к химической промышленности, 14 — к лесной и деревообрабатывающей, 10 — к лёгкой. В то же время насчитывается всего 18 предприятий (около 12% от общего числа), связанных с металлообработкой, производством машин, оборудования и транспорта и имеющих наибольший потенциал для международной кооперации (рассчитано по: [12]). Более того, на территории Приморского края находятся три из четырёх крупнейших дальневосточных порта (Восточный, Владивосток, Находка) [16, с. 38—39]. Эти данные, особенно в контексте применяемых аналогий, позволяют характеризовать структуру краевой экономики как периферийную, в которой доминируют простейшие отрасли, в то время как предприятия, производящие наиболее сложную продукцию, а значит зависящие от кооперационных связей, немногочисленны. Соответственно, порты ориентированы на обслуживание внешних связей компаний, расположенных в других регионах.

В случае с Хабаровским краем, несмотря на то что в процентном соотношении доля предприятий, относящихся к наиболее передовым отраслям (транспортному машиностроению и электронике), будет выше (30,3%), количественно они также немногочисленны: всего 10 предприятий. Простейшие отрасли (пищевая, рыбная, лёгкая, лесная и деревообрабатывающая)

при сравнении с данными по Приморскому обладают аналогичными структурными характеристиками, занимая более половины (54,5%) от числа предприятий (рассчитано по: [30]). Справочные материалы, представленные Амурской областью [2] и Забайкальским краем [7], свидетельствуют, что их региональная экономика находится в ещё более ограниченных условиях: забайкальские предприятия ориентированы на внутренний спрос или заняты добычей сырья, а для Амурской области приоритетным является не продвижение продукции или поиск смежников для своих производителей, а привлечение инвестиций и, как следствие, индустриализация.

В целом это указывает на то, что структура экономики приграничных регионов Дальнего Востока остаётся периферийной вследствие доминирования простейших отраслей и слабой диверсификации производственной структуры, хотя в ней выделяются Приморский и Хабаровский края, в которых незначительно представлены предприятия отраслей, специализирующихся на более сложной продукции. Из-за концентрации портов приморская экономика также имеет выраженный транзитный характер.

Экономика северо-восточной части КНДР обладает следующими характеристиками. Согласно экономическому справочнику, изданному в Пхеньяне и содержащему отрывочные сведения об отраслевой структуре региональной экономики, стержневыми для хозяйства пров. Северная и Южная Хамгён являются добывающая, горно-химическая, чёрная и цветная металлургические отрасли. Их предприятия разместились в этом районе благодаря залежам руд и каменного угля [27, с. 19—20, 25—27]. Из этого можно сделать вывод, что для данных провинций характерен ограниченный круг старых отраслей тяжёлой промышленности, что и определяет их периферийное положение. Кроме того, нахождение на территории Северной Хамгён порта Раджин, ориентированного на транзитные перевозки [8], способствует соответствующей ориентации хозяйства уездов, географически тяготеющих к российской границе.

Хотя Северо-Восточный Китай выходит за пределы используемой аналитической рамки, его присутствие необходимо учитывать, поскольку он является доминирующим участником экономических отношений в треугольнике «РФ — КНДР — Китай». Кратко охарактеризуем структуру его хозяйства. В регионе сосредоточены пищевая, металлургическая, химическая, нефтехимическая, фармацевтическая, автомобилестроительная и станкостроительная отрасли. Важную роль в структуре

экономики играет сельское хозяйство, а в пров. Ляонин расположены верфи [21]. В целом это указывает на доминирование простейших и старых промышленных отраслей; последние, правда, в отличие от Дальнего Востока, представлены более широким спектром. Их преобладание обуславливает периферийный статус северо-восточных провинций КНР.

Как видно, примыкающие друг к другу периферийные районы трёх стран обладают сходствами и различиями. Наиболее развитыми являются северо-восточные провинции Китая, в которых сосредоточен сравнительно широкий спектр отраслей обрабатывающей промышленности, производящей сложную продукцию. Дальний Восток России по своему экономическому развитию крайне неоднороден: в его приграничных субъектах присутствуют сырьевые отрасли, широко распространены простейшие отрасли, выпускающие товары с низкой добавленной стоимостью, расположены и отдельные предприятия, выпускающие сложную продукцию. Одновременно Приморский край выполняет транзитную функцию. В окраинных районах Северной Кореи сконцентрировано ограниченное число старых отраслей тяжёлой промышленности. Пограничные с Россией уезды также ориентированы на транзит грузов.

Такое положение стран относительно друг друга даёт преимущества Китаю, Россия занимает промежуточное место, а наиболее слабые позиции у КНДР. Кроме того, у ориентированных друг на друга районов России и Северной Кореи существует общая непроизводственная специализация, связанная с транспортным транзитом, что выступает дополнительным фактором, негативно влияющим на кооперацию.

Доминирующая роль Китая в регионе подтверждается и обобщёнными статистическими данными: по состоянию на 2023 г. на него приходится 72% товарооборота дальневосточных регионов России [22] и 98% всей внешней торговли КНДР [28], что делает экономику вторых сторон уязвимой перед внешней конъюнктурой, которая может быть сторонней по отношению к Китаю, и представлять собой внутренние процессы в КНР. Кроме того, почти полный контроль над внешнеторговыми потоками Северной Кореи с китайской стороны и доминирование минеральных ресурсов в экспорте КНДР ставит её в более уязвимое положение.

При анализе положения РФ, Северной Кореи и КНР относительно друг друга значимым элементом, организующим региональное пространство, выступают государственные границы. На российско-китайской границе из более чем 20 пограничных переходов только два характеризуются наличием парной

трансграничной агломерации<sup>2</sup> (Благовещенск — Хэйхэ, Забайкальск — Маньчжурия). При этом лишь первая из них обладает потенциалом кооперации, так как диспропорции между городами-спутниками не выражены ярко. Во втором случае наличие сильно выделяющейся диспропорции в пользу Китая косвенно указывает, что агломерация ориентирована на обслуживание товарных потоков, связанных прежде всего с поставками готовой продукции из Китая и сырья из России. В остальных случаях пограничные переходы не связаны с возникновением агломераций, а значит, ориентированы на обслуживание транзитных товарных потоков, которые оседают в удалённых от границы городах.

На границе Китая с КНДР количество пограничных переходов меньше. Самый крупный из них по торговому обороту и географически близкий к наиболее развитому прибрежному кластеру пров. Ляонин и к сравнительно плотно заселённой западной части КНДР Даньдун — Синьйджу характеризуется наличием парной трансграничной агломерации, которая обслуживает двустороннюю торговлю. Однако из-за диспропорций в номенклатуре товаров, их несовместимости<sup>3</sup> и удалённости промышленных центров от границы она не является фактором кооперации. Открытие же трансграничной дороги Вонджон — Раджин, географически расположенной на периферии, призвано в первую очередь обслуживать транзитный поток грузов, направляющихся из Китая через КНДР в третьи страны. Аналогичная ситуация сложилась на российско-северокорейской границе: тяготеющая к ней инфраструктура ориентирована на обслуживание транзитного потока [8].

Такое состояние северокорейской экономики является следствием специфического отношения к специальным экономическим зонам (СЭЗ). В отличие от североамериканского примера, где СЭЗ понимались как инструмент регионального развития и поощрения приграничной кооперации [32], северокорейское правительство оставляло за ними только функцию модернизации экономики [9].

<sup>2</sup> Здесь принимался во внимание пример американо-мексиканской границы, где развитие приграничной кооперации (производственной и торговой) было обеспечено благодаря парным агломерациям, которые при относительной диспропорции городов способствовали созданию производственных цепочек, а при ярко выраженной диспропорции городов обслуживали трансграничные товарные потоки (см.: [35]).

<sup>3</sup> Ведущими статьями экспорта из КНДР являются уголь, руды и металлы, при этом импорт из КНР диверсифицирован, а основными его статьями являются нефть и широкий спектр товаров химической и нефтехимической отрасли, в том числе дизельное топливо, удобрения, синтетические ткани.

В целом взаимное положение трёх стран относительно друг друга в СВА формирует следующие рамки для перспективной российско-северокорейской кооперации. Во-первых, среди всех периферийных территорий по структуре хозяйства наиболее развитым является Северо-Восточный Китай. Позиции Дальнего Востока и КНДР более слабые, хотя некоторые преимущества для первого из них составляют отдельные производства, выпускающие товары с высокой добавленной стоимостью. Во-вторых, и Дальний Восток, и КНДР в плане внешних рынков крайне уязвимы из-за того, что доминирующим партнёром для обеих стран является Китай. С учётом уже отмеченной неравномерности развития это даёт дополнительные преимущества КНР, а усиление кооперации между Дальним Востоком и КНДР позволит в некоторой мере смягчить негативное влияние этого фактора и диверсифицировать внешнеэкономические контакты. В-третьих, граница с Северной Кореей не выступает фактором развития прилегающих непосредственно к ней районов, её функции сводятся к транзитным. Торговая и иная кооперация возможна только между центрами, находящимися на удалении от границы.

Кроме того, северокорейский случай в своих общих чертах схож с квебекским. Значимое место во внешней кооперации занимают старопромышленные центры, удалённые от границы, но расположенные в местах концентрации необходимых природных ресурсов. Сама же граница превращается в «транзитные ворота». Многолетняя изоляция и санкционный режим на протяжении десятилетий вынуждали правительство КНДР делать ставку на стратегии выживания и тем самым консервировать более отсталую структуру хозяйства, что в свою очередь делало экономику страны зависимой от доминирующего внешнего партнёра и управленческой стратегии государства.

Совпадение параметров аналогической модели с особенностями, характеризующими положение РФ, КНР и КНДР относительно друг друга в СВА, при сравнительно слабых преимуществах Дальнего Востока превращает развитие приграничного сотрудничества между Россией и КНДР в достаточно сложную задачу.

## ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕРОЯТНОЙ КООПЕРАЦИИ РОССИИ И КНДР

Пожалуй, главным естественным ограничителем для развития кооперации между приграничными регионами и регионами, тяготеющими к общей границе, является внешнеполитическая культура обеих стран, где основное место отводится

инициативам центральных, а не региональных и местных властей. Соответственно, наибольшее значение для будущего взаимодействия имеют взгляды и интересы Москвы и Пхеньяна [3; 23]. В частности, в материалах Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) с 18 июня 2024 г., когда был заключён Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой [6], по 19 февраля 2026 г. Россия упоминалась лишь 12 раз, если исключить сообщения о контактах политического, военного, партийного, дипломатического и протокольного характера [15]. При этом регионы упоминались лишь 1 раз в сообщении о визите корейского ансамбля Дворца школьников Мангёндэ во Владивосток в начале мая 2025 г. [26]. Таким образом, северокорейская сторона позиционирует приоритетность гуманитарного взаимодействия с регионами перед остальными функциональными аспектами сотрудничества.

В то же время, несмотря на скудость и отрывочность информации, мы можем судить, что на высоком уровне КНДР рассматривает в качестве перспективных для сотрудничества те сферы, которые требуют более сложных профессиональных и технических компетенций. В их числе упоминаются сельское хозяйство, марикультура, геологоразведка [17; 18]. Правда, здесь необходимо принимать во внимание, что перечисленные сферы входят в компетенции федеральных ведомств (Россельхознадзора и Роснедр), а из региональных учреждений готовность к сотрудничеству с северокорейской стороной открыто проявил только Институт биологии южных морей [25], расположенный в г. Севастополе, т.е. в том субъекте федерации, который длительный период времени находится под обширными зарубежными санкциями. При этом его сфера сотрудничества (марикультура) совпадает с прежде согласованной между центральными правительствами обеих стран, а значит, его участие в перспективе может быть прочно вплетено в ткань российско-северокорейского партнёрства.

Место граничащего с КНДР Приморского края, как оно видится столицам обеих государств, незначительное. Во-первых, он рассматривается как транзитная территория, которая должна обеспечить транспортную связь между двумя странами. Во-вторых, контекст, в котором упоминается транспортное сообщение Приморья и КНДР, в Пхеньяне рассматривается как средство, обеспечивающее туристический поток в Северную Корею [20]. Последнее в рамках североамериканского примера изначально рассматривалось как дополнительный элемент в рамках первичного развития приграничных

районов и городов, обладающих потенциалом для индустриализации [34]. При этом в пределах «квебекской модели» приграничной кооперации туризм вовсе не имел существенного значения. Правда, здесь есть немаловажный нюанс. Вопросы корреспондента официального издания «Российская газета», заданные послу РФ в КНДР А.И. Мацегоре в ходе интервью в феврале 2025 г., указывают, что публично именно туристический аспект российская сторона позиционирует ключевым для двустороннего сотрудничества [10]. Это позволяет нам констатировать, что краевые туристические инициативы на северо-корейском направлении согласованы и прочно вплетены в линию федерального центра, а самому Приморскому краю отводится второстепенное значение в партнёрских отношениях двух стран. Однако если сравнить основное направление сотрудничества Приморья как приграничного региона и Севастополя как сильно удалённого от границы с КНДР города федерального значения, то нельзя не заметить, что внимание последнего сконцентрировано на более прагматичной и технологичной сфере, в то время как интерес Приморского края связан со сферой изменчивой, подверженной конъюнктурному влиянию, имеющей незначительное влияние на приграничную экономическую кооперацию.

Также при изучении российско-северо-корейского сотрудничества необходимо принять во внимание, что подавляющая часть его сфер (сельское хозяйство, продовольствие, здравоохранение, образование, туризм), которые обозначены в публичных документах, либо предполагают стабилизацию социально-экономического положения в КНДР, либо локализованы в гуманитарной сфере. Геологоразведка, как продекларировано российской стороной, также в первую очередь призвана придать больше стабильности северо-корейской экономике, поскольку существуют надежды найти нефть на шельфе КНДР и тем самым обеспечить более стабильные поставки жизненно важного для производства сырья. Так российское правительство поддерживает внутриэкономическую линию Пхеньяна, делая акцент не на создании СЭЗ, а на иных инструментах. Наконец, транспортная кооперация, в которой Приморскому краю отводится транзитная функция, повторяет модель приграничного взаимодействия Северной Кореи с Китаем, при которой граница является транзитными воротами, но никак не воздействует на кооперационные процессы. Таким образом, при существующей модели развития российско-северо-корейских отношений кооперационное взаимодействие приграничных регионов в сфере обрабатывающих производств не представляется возможным.

В то же время существуют отдельные предпосылки, чтобы преодолеть её негативное влияние. По мнению итальянского обозревателя Р. Виллы [36], таким потенциалом обладают пров. Северная и Южная Хамгён. Этому благоприятствуют следующие факторы. Во-первых, недра Южной Хамгён богаты рудами цинка, свинца, магния и редкоземельных элементов, которые используются в широком спектре обрабатывающих отраслей, включая электронику, энергетическое машиностроение, химическую и атомную отрасли. Во-вторых, обе провинции являются сосредоточением добычи железной руды и чёрной металлургии, что также подтверждается северо-кореysким экономическим справочником [27, с. 19—20, 25—27]. При этом Р. Вилла уточняет, что металлургический и добывающий комплекс северо-восточных районов КНДР нуждается в глубокой модернизации, которая выступает необходимым условием для более тесной их интеграции с российской экономикой. В-третьих, благоприятно на сотрудничество способно повлиять транспортное сообщение — как железнодорожное, так и морское. Последнее способно дать наибольший эффект для юга Приморского края, в котором сконцентрирован ряд портов.

С учётом перечисленных условий наибольшие перспективы для кооперации приграничных районов складываются между металлургическим комплексом пров. Южная и Северная Хамгён и южным Приморьем, где в последнее десятилетие была качественно модернизирована судостроительная отрасль. Ещё одним потенциальным направлением выступает центральная часть Хабаровского края, где сосредоточены современные предприятия транспортного машиностроения.

При условии модернизации добывающих, обогащательных и металлургических предприятий и геологоразведки в КНДР, а также создания в России комплекса предприятий, обслуживающих интересы судостроительной отрасли Приморского края (например, чистого металлургического производства, занимающегося плавкой готовой продукции из стальных брикетов), может возникнуть кооперация между производственными центрами, тяготеющими к границе, хотя и не находящимися на ней. Важным условием осуществления этого сценария должно стать тесное сотрудничество между региональными и центральными властями.

В существенной мере это станет адаптацией квебекского опыта, который основан на использовании естественных преимуществ размещения производства, удалённости горного и металлургического комплексов от границы основного потребителя, трансграничной кооперации между производственными цен-

трами, которые не находятся прямо на границе, но чьи связи тяготеют к ней, высокой роли государства (здесь — провинции) в хозяйственном развитии при участии иностранного капитала, представляющего страну — потребителя продукции.

В противном случае в российско-северокорейском сотрудничестве Приморский край будет играть роль транзитного пространства между КНДР и другими регионами России. Более того, стороны не смогут преодолеть негативное влияние существующей модели трансграничного сотрудничества, при котором граница, географическая близость государств не выступают фактором хозяйственного развития.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом между северо-восточными провинциями КНДР и югом Дальнего Востока России возможна ограниченная экономическая кооперация. На это указывает ряд факторов. С северокорейской стороны к ним относятся модели развития страны и хозяйства, которые осуществлялись в условиях враждебного для КНДР внешнего окружения, превращение северо-восточных провинций в периферийный регион вследствие более интенсивного развития районов, тяготеющих к столице. При этом на северо-востоке страны ввиду благоприятных естественных условий сохранилась концентрация старопромышленных, прежде всего металлургических, производств, для сбыта продукции которых необходимы предприятия-смежники, интегрированные в кооперационные цепочки. С российской стороны в граничащем с КНДР Приморском крае существуют металлоёмкие производства, главным образом в области судостроения и судоремонта. В обеих странах промышленные центры, способные стать основой для хозяйственной кооперации, хотя и тяготеют к границе, находятся на удалении от неё. Эти параметры соответствуют историческому примеру Квебека, а значит, указывают на потенциал для адаптации «квебекской модели» приграничного экономического сотрудничества с той поправкой, что практическое содержание, включающее вопросы модернизации старых производств, размещения их новых смежников и заключения контрактов между якорными для партнёрства предприятиями, должно быть согласовано на межправительственном уровне, хотя инициатива может исходить и от правительства Приморского края. Это позволит, пусть и незначительно, преодолеть сложившиеся в регионе негативные ограничения для сотрудничества с КНДР, перевести

его в более технологичную производственную сферу и придать дополнительный импульс хозяйству юга Дальнего Востока. В противном случае развитие экономического сотрудничества превратит Приморье в транзитную зону, а связи с КНДР и её географическая близость не будут факторами регионального развития.

#### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / под ред. Г.Е. Сорова. М.: Наука, 1986. 525 с.
2. Амурская область — центр российско-китайского сотрудничества. ВЭФ-2025. Дайджест. Благовещенск: АНО «Агентство Амурской области по привлечению инвестиций», 2025. 43 с.
3. Бордачев Т.В. Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII—XV веков повлияла на будущее России. М.: АСТ, 2024. 336 с.
4. Воронцов А.В. Москва — Пхеньян — Пекин. Характер взаимоотношений в настоящее время // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 3. С. 7—24.
5. Григорьева Е.А., Демчук А.Л. Квебек // США — Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 8. С. 116—127.
6. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. 19.06.2024. URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/international\\_contracts/2\\_contract/62546/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/) (дата обращения: 31.03.2025).
7. Забайкальский край. Каталог производителей. Чита: Министерство экономического развития Забайкальского края, 2025. 34 с.
8. Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 81—97.
9. Захарова Л.В. Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // Корейский полуостров в эпоху перемен / под ред. А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 238—248.
10. Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры «Российской газете» накануне Дня дипломатического работника, 9 февраля 2025 г. 10.02.2025. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/1995607/> (дата обращения: 10.12.2025).
11. Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства / под ред. В.И. Соколова. М.: Весь мир, 2017. 432 с.
12. Каталог производителей Приморского края. Владивосток: Министерство экономического развития Приморского края, 2025. 86 с.
13. Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010. 228 с.
14. Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII—XX века. М.: Наука, 2006. 314 с.
15. Официальный сайт ЦТАК. URL: <https://www.kcna.kp/ru> (дата обращения: 19.02.2026).

16. Россия и Китай: экономика, логистика и бизнес-среда. 2025. М.: ФАНУ «Востокгосплан», 2025. 91 с.
17. Россия и КНДР подписали документ о торговом и техническом сотрудничестве. 21.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241121/kndr-1984930689.html?ysclid=mj3j862rhi554931603> (дата обращения: 10.12.2025).
18. Россия получила от КНДР часть бумаг для совместной морской разведки углеводорода. 10.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6507713> (дата обращения: 10.12.2025).
19. Смородинская Н., Катукоев Д. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность // Общество и экономика. 2024. № 12. С. 5—25.
20. Состоялось заседание межправительственной комиссии РФ — КНДР. 27.11.2025. URL: [https://www.mnr.gov.ru/press/news/sostoyalos\\_zasedanie\\_mezhpravitelstvennoy\\_komissii\\_rf\\_kndr/?ysclid=ml311mkte7931774788](https://www.mnr.gov.ru/press/news/sostoyalos_zasedanie_mezhpravitelstvennoy_komissii_rf_kndr/?ysclid=ml311mkte7931774788) (дата обращения: 10.12.2025).
21. Ставров И.В. Тенденции экономического развития Северо-Восточного Китая в начале XXI в. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 42. С. 22—34.
22. Товарооборот ДФО со странами АТР достиг 47 миллиардов долларов. 16.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240216/tovarooborot-1927705882.html> (дата обращения: 05.02.2026).
23. Толстокулаков И.А. История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 368 с.
24. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 544 с.
25. ФИЦ ИнБЮМ готов к сотрудничеству с КНДР. 17.05.2024. URL: <https://ibss-ras.ru/News-IBSS/2661/> (дата обращения: 07.02.2026).
26. Художественная труппа Мангендэского дворца школьников отправилась с визитом в Приморский край России. 03.05.2025. <http://www.kcna.kp/ru/article/q/970eb63f8c98ea8643ac5d1d65d76aa7abafa3e78868f11ddff588f5d7f6ef24f64079380e866f8e76b656cddde82b3723baaa4e1ca550cc7f4642a8888ef733.kcmsf> (дата обращения: 19.02.2026).
27. Чон Хва Сун. О Корее. 5. Экономика. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2016. 84 с.
28. Южнокорейские эксперты заявили о рекордном росте экономики КНДР. 23.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/23/iuzhnokorejskie-eksperty-zaiavili-o-rekordnom-roste-ekonomiki-kndr.html?ysclid=ml2zf8773896169462> (дата обращения: 25.12.2025).
29. Atlas of Canada. The Story of a Country through Maps, Photographs, History and Culture / Ed. by W. Davis. Toronto — Ottawa: Harper Collins Publishers — The Royal Canadian Geographic Society, 2014. 304 p.
30. Export Potential of Khabarovsk Krai. Khabarovsk: NGO Export Support Center of Khabarovsk Krai, NGO Tourism Information Center of Khabarovsk Krai, 2025. 46 p.
31. McLachlan I., Aguilar A.G. Maquiladora Myths: Locational and Structural Change in Mexico's Export Manufacturing Industry // Professional Geographer. 1998. Vol. 50. No. 3. P. 315—331.
32. Mercier D. La Industria maquiladora de exportación mexicana hace 40 años // Revista Galega de Economía. 2005. Vol. 14. No. 1—2. P. 1—17.
33. OEC World Atlas. Quebec Profile. URL: [https://oec.world/en/profile/subnational\\_can/quebec#bespoke-title-1342](https://oec.world/en/profile/subnational_can/quebec#bespoke-title-1342) (дата обращения: 06.02.2026).

34. Rodriguez M., Rivero H. ProNaF, Ciudad Juarez: Planning and Urban Transformation // ITU A/Z. 2011. Vol. 8. No. 1. P. 196—207.
35. The Maquiladora Industry on the Northern Border of Mexico: An Economic Powerhouse. URL: <https://latamfdi.com/maquiladora-industry-on-the-northern-border-of-mexico/> (дата обращения: 18.01.2026).
36. Villa R. DPRK — Russia — China Economic Triangle. URL: <https://thenewglobalorder.com/world-news/analysis-dprk-russia-china-economic-triangle> (дата обращения: 01.02.2026).
37. Weissling L.E. Arctic and Zambia: A Comparison of Development Process in the Fourth and Third Worlds // Arctic. 1989. Vol. 42. No. 3. P. 208—216.

## REFERENCES

1. *Amerikanskiy kapitalizm v 80-e gody. Zakonomernosti i tendentsii razvitiya ekonomiki* [American Capitalism in the 1980s. Patterns and Trends of Economic Development]. Ed. by G.E. Skorov. Moscow, Nauka Publ., 1986, 525 p. (In Russ.)
2. *Amurskaya oblast' — tsentr rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva. VEF-2025. Daydzhest* [The Amur Region Is the Center of the Russia — China Partnership. EEF-2025. Digest]. Blagoveshchensk, ANO «Agentstvo Amurskoy oblasti po privlecheniyu investitsiy» Publ., 2025, 43 p. (In Russ.)
3. Bordachev T.V. *Strategiya Moskovskoy Rusi. Kak politicheskaya kul'tura XIII—XV vekov povliyala na budushchee Rossii* [The Strategy of Muscovite Rus. How the Political Culture of the 13<sup>th</sup> — 15<sup>th</sup> Centuries Shaped Russia's Future]. Moscow, AST Publ., 2024, 336 p. (In Russ.)
4. Vorontsov A.V. Moskva — Pkhen'yan — Pekin. Kharakter vzaimootnosheniy v nastoyashchee vremya [Moscow — Pyongyang — Beijing. The Nature of Current Relations]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2025, no. 3, pp. 7—24. (In Russ.)
5. Grigor'eva E.A., Demchuk A.L. Kvebek [Quebec]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2017, no. 8, pp. 116—127. (In Russ.)
6. *Dogovor o vseob"emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Koreyskoy Narodno-Demokraticeskoy Respublikoy* [The Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea]. June 19, 2024. Available at: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/international\\_contracts/2\\_contract/62546/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/) (accessed 31.03.2025). (In Russ.)
7. *Zabaykal'skiy kray. Katalog proizvoditeley* [The Transbaikalian Region. Catalog of Producers]. Chita, Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Zabaykal'skogo kraya Publ., 2025, 34 p. (In Russ.)
8. Zakharova L.V. Vneshneekonomicheskie svyazi v XXI veke i perspektivy ikh razvitiya pri Kim Chen Yne [The DPRK's Foreign Economic Relations in the 21<sup>st</sup> Century and Prospects for Their Development under Kim Jong Un]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 4, pp. 81—97. (In Russ.)
9. Zakharova L.V. Zony ekonomicheskogo razvitiya KNDR: status i perspektivy [The DPRK's Economic Development Zones: Status and Prospects]. *Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen* [The Korean Peninsula in an Era of Change]. Ed. by A.Z. Zhebin. Moscow, IDV RAN Publ., 2016, pp. 238—248. (In Russ.)

10. *Interv'yu Posla Rossii v KNDR A.I. Matsegory «Rossiyskoy gazete» nakanune Dnya diplomaticheskogo rabotnika, 9 fevralya 2025 g.* [Interview with the Russian Ambassador to the DPRK, A.I. Matsegora, for "Rossiyskaya Gazeta" on the Eve of Diplomatic Worker's Day, February 9, 2025]. February 10, 2025. Available at: <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/1995607/> (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
11. *Kanada: sovremennyye tendentsii razvitiya. K 150-letiyu gosudarstva* [Canada: Contemporary Development Trends. On the 150<sup>th</sup> Anniversary of the State]. Ed. by V.I. Sokolov. Moscow, Ves' mir Publ., 2017, 432 p. (In Russ.)
12. *Katalog proizvoditeley Primorskogo kraya* [Catalogue of Producers of the Primorye Region]. Vladivostok, Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraya Publ., 2025, 86 p. (In Russ.)
13. Kovalenko S.G. *20 let sovetskikh reform: Byla li modernizatsiya na Dal'nem Vostoke?* [20 Years of Soviet Reforms: Was There Modernization in the Far East?]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2010, 228 p. (In Russ.)
14. Koleneko V.A. *Frantsuzskaya Kanada v proshlom i nastoyashchem: ocherki istorii Kvebeka XVII—XX veka* [French Canada in the Past and in the Present: Essays on the History of Quebec, the 17<sup>th</sup> — 20<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 314 p. (In Russ.)
15. *Ofitsial'nyy sayt TsTAK* [Official Site of KCNA]. Available at: <https://www.kcna.kp/ru> (accessed 19.02.2026). (In Russ.)
16. *Rossiya i Kitay: ekonomika, logistika i biznes-sreda. 2025* [Russia and China: Economy, Logistics and Business Environment. 2025]. Moscow, FANU «Vostokgosplan» Publ., 2025, 91 p. (In Russ.)
17. *Rossiya i KNDR podpisali dokument o torgovom i tekhnicheskoy sotrudnichestve* [Russia and the DPRK Signed a Document on Trade and Technical Cooperation]. November 21, 2024. Available at: <https://ria.ru/20241121/kndr-1984930689.html?ysclid=mj3j862rhi554931603> (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
18. *Rossiya poluchila ot KNDR chast' bumag dlya sovmestnoy morskoy razvedki uglevodoroda* [Russia Received Some Documents from the DPRK for Joint Offshore Hydrocarbon Exploration]. February 10, 2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6507713> (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
19. Smorodinskaya N., Katukov D. *Global'nyy razvorot v natsional'nykh promyshlennyykh strategiyyakh: kurs na tekhnologicheskuyu samodostatochnost'* [Global Shift in National Industrial Strategies: Toward Technological Self-Sufficiency]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2024, no. 12, pp. 5—25. (In Russ.)
20. *Sostoyalos' zasedanie mezhpriavitel'stvennoy komissii RF — KNDR* [The Meeting of the Russia — DPRK Intergovernmental Commission Was Held]. November 27, 2025. Available at: [https://www.mnr.gov.ru/press/news/sostoyalos\\_zasedanie\\_mezhpriavitel'stvennoy\\_komissii\\_rf\\_kndr\\_/?ysclid=ml311mkte7931774788](https://www.mnr.gov.ru/press/news/sostoyalos_zasedanie_mezhpriavitel'stvennoy_komissii_rf_kndr_/?ysclid=ml311mkte7931774788) (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
21. Stavrov I.V. *Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya Severo-Vostochnogo Kitaya v nachale XXI v.* [Economic Development Trends in Northeast China at the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2023, vol. 42, pp. 22—34. (In Russ.)
22. *Tovarooborot DFO so stranami ATR dostig 47 milliardov dollarov* [Trade Turnover between the Far Eastern Federal District and Asia-Pacific Countries Reached 47 Billion Dollars]. February 16, 2024. Available at: <https://ria.ru/20240216/tovarooborot-1927705882.html> (accessed 05.02.2026). (In Russ.)

23. Tolstokulakov I.A. *Istoriya obshchestvenno-politicheskoy mysli Korei* [History of Korean Socio-Political Thought]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2007, 368 p. (In Russ.)
24. Torkunov A.V., Denisov V.I., Lee V.I. *Koreyskiy poluoostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [The Korean Peninsula: Metamorphoses of Postwar History]. Moscow, Olma Media Group Publ., 2008, 544 p. (In Russ.)
25. *FITs InBYuM gotov k sotrudnichestvu s KNDR* [IBSS RAS Is Ready for Cooperation with the DPRK]. May 17, 2024. Available at: <https://ibss-ras.ru/News-IBSS/2661/> (accessed 07.02.2026). (In Russ.)
26. *Khudozhestvennaya truppa Mangendesкого dvortsa shkol'nikov otpravilas' s vizitom v Primorskiy kray Rossii* [The Artistic Troupe of the Mangyondae Schoolchildren Palace Visited the Primorye Region]. May 3, 2025. Available at: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/970eb63f8c98ea8643ac5d1d65d76aa7abafa3e78868f11ddff588f5d7f6ef24f64079380e866f8e76b656cddde82b3723baaa4e1ca550cc7f4642a8888ef733.kcmsf> (accessed 19.02.2026). (In Russ.)
27. Chong Hwa Sun. *O Koree. 5. Ekonomika* [About Korea. 5. Economy]. Pyongyang, Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 2016, 84 p. (In Russ.)
28. *Yuzhnokoreyskie eksperty zayavili o rekordnom roste ekonomiki KNDR* [South Korean Experts Reported Record Growth in the DPRK's Economy]. December 23, 2025. Available at: <https://rg.ru/2025/12/23/iuzhnokorejskie-eksperty-zaiavili-o-rekordnom-roste-ekonomiki-kndr.html?ysclid=ml2zf8773896169462> (accessed 25.12.2025). (In Russ.)
29. *Atlas of Canada. The Story of a Country through Maps, Photographs, History and Culture* / Ed. by W. Davis. Toronto — Ottawa, Harper Collins Publishers — The Royal Canadian Geographic Society, 2014, 304 p. (In Eng.)
30. *Export Potential of Khabarovsk Krai*. Khabarovsk, NGO Export Support Center of Khabarovsk Krai, NGO Tourism Information Center of Khabarovsk Krai Publ., 2025, 46 p. (In Eng.)
31. McLachlan I., Aguilar A.G. Maquiladora Myths: Locational and Structural Change in Mexico's Export Manufacturing Industry. *Professional Geographer*, 1998, vol. 50, no. 3, pp. 315—331. (In Eng.)
32. Mercier D. La Industria maquiladora de exportación mexicana hace 40 años. *Revista Galega de Economía*, 2005, vol. 14, no. 1—2, pp. 1—17. (In Span.)
33. *OECD World Atlas. Quebec Profile*. Available at: [https://oec.world/en/profile/subnational\\_can/quebec#bespoke-title-1342](https://oec.world/en/profile/subnational_can/quebec#bespoke-title-1342) (accessed 06.02.2026). (In Eng.)
34. Rodriguez M., Rivero H. ProNaF, Ciudad Juarez: Planning and Urban Transformation. *ITU A/Z*, 2011, vol. 8, no. 1, pp. 196—207. (In Eng.)
35. *The Maquiladora Industry on the Northern Border of Mexico: An Economic Powerhouse*. Available at: <https://latamfdi.com/maquiladora-industry-on-the-northern-border-of-mexico/> (accessed 18.01.2026). (In Eng.)
36. Villa R. *DPRK — Russia — China Economic Triangle*. Available at: <https://thenewglobalorder.com/world-news/analysis-dprk-russia-china-economic-triangle> (accessed 01.02.2026). (In Eng.)
37. Weissling L.E. Arctic and Zambia: A Comparison of Development Process in the Fourth and Third Worlds. *Arctic*, 1989, vol. 42, no. 3, pp. 208—216. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 27.02.2026